

Влада Деново

ЛИСЬИ ОГНИ

Влада Деново

Лисьи огни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304556

ISBN 9785449324603

Аннотация

Вы когда-нибудь видели огоньки во время грозы? Если видели – не ходите за ними. Мало ли куда они приведут. Эта история обо мне. О девушке, которая попала в служанки к самовлюбленному демону-лису. И знаете что? Мне понравилось.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лисьи огни

Влада Деново

© Влада Деново, 2018

ISBN 978-5-4493-2460-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

в которой я пялюсь на нового хозяина

Выглянув из мусорного бака и приметив поблизости сморщенный объедок, огромная крыса тут же скрылась вместе с ним в щели между домами.

Я следила за этим занимательным перемещением, стоя рядом с теми же доверху наполненными мусорными баками. И, я полагаю, несложно представить, чем пахло вокруг. За все то время, что я в нерешительности провела у облезлой двери, запах сырости, прокисших овощей, запрелой капусты и прочих останков недельной давности пропитал платье насквозь.

В руках я держала вчерашний номер местной газеты. Именно в нем содержалось объявление, заставившее меня прийти пешком с другого конца города.

– Эй, девочка, – вдруг прозвучал где-то вверху густой женский голос. – Так и собираешься стоять рядом с мусоркой? Тогда я вылью помои прямо на тебя!

– Прощу прощения, я, наверное, пойду, – быстро поклонившись, я мельком разглядела в маленьком оконце над дверью румяное лицо в обрамлении накрахмаленного чепчика.

– Погоди, ты не по поводу объявления случайно?

Оконце захлопнулось, и из облезшей двери выкатилась коренастая матрона, вся покрытая броней из фартуков и оборок. Ее маленькая, но уверенная фигура пышала кухонным жаром.

— Хозяин приказал выбрать самую молоденькую, — матрона с сомнением пробежалась взглядом по моему лицу и простому платью. — Тебе сколько лет?

— Исполнилось девятнадцать, но какое это имеет значение? Извините, но я надеялась найти здесь место прислуги, а не содержанки.

Матрона фыркнула. Видимо, этим она хотела выразить все свои нелестные выводы по поводу моей внешности:

— Сомневаюсь, что если бы хозяину была нужна содержанка, он выбрал бы тебя. Ты, стало быть, из деревни, и не видала, какие тут у нас красотки. Фигуристые, точеные, что даже мне завидно! Бес его знает, хозяина нашего, сама его спроси, почему он так решил, насчет молоденькой-то. Давай, давай, проходи.

С этими словами я была втиснута в ярко освещенный коридор и препровождена в гостиную. В отличии от прочих комнат, через которые мне пришлось пройти, эта была темной. Я смогла разглядеть лишь журнальный столик со стоявшим на нем подсвечником и оплившей свечой и расположенные полукругом кресла.

Матрона оставила меня одну, молча и с крайне самодостаточным видом закрыв за собой дверь. Помявшись на поро-

ге, я решилась занять одно из кресел. Глаза понемногу привыкали к полутьме, и я поняла, что окружающие предметы трудно разглядеть не только по причине слабой освещенности: вокруг стояла стена дыма. Запах у него был сладковатый, с фруктовым оттенком, видимо совсем недавно здесь курили кальян.

Я коснулась столика и не без удивления обнаружила на пальцах пыль.

– Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему я так нуждаюсь в нормальной прислуге. Госпожа Адель весьма сведуща в делах домоуправления, но наотрез отказывается исполнять такие ничтожные обязанности как уборка.

Даже слегка подпрыгнув от неожиданности, я повернулась на голос. В кресле напротив, поджав под себя ноги, помещался, как я уже догадалась, хозяин дома. На какую-то секунду-две у меня перехватило дыхание от восхищения, потому что без сомнения это было самое прекрасное существо, какое я видела в своей жизни.

Однажды, в далеком детстве, когда матушка посылала меня в дом господ, у которых она прислуживала, я увидела картину с изображением лисицы-демона. И хотя на полотне лисица явно принадлежала к женскому полу и была в своем естественном, животном обликии, взгляд у нее был человеческий. Именно этот лукавый изучающий взгляд был обращен сейчас на меня и принадлежал мужчине, возраст которого было сложно определить. Ему вполне могло быть и 20,

и 30, и 40 лет, потому как кожа его выглядела по юношески гладкой, пальцы по девичьи изящными и хрупкими, а в яблочно-зеленых глазах таилось недостижимое мне пока знание зрелого человека. Но самое замечательное во всем этом были не яркие глаза, ни правильные черты лица, ни чувственной формы губы, а волосы ниже плеч с серебристым отливом. Многие мужчины в городе по местной моде носили длинные волосы, но такого цвета я ни у кого не замечала.

«Крашенные, – подумала я, и вдруг спохватилась: – Да я же пялюсь на него!»

Я поспешно отвернулась, но так как незнакомец молчал, то вновь обратила к нему внимание. На его лице было выражение терпеливого ожидания. Вероятнее всего он привык к такой реакции на свою внешность, и теперь ждал, пока я перестану краснеть от досады.

– Приношу свои извинения, – сказала я. – Не хотела рассматривать вас музейный экспонат.

– А вы, замечу, слишком прямолинейны для девушки. Однако я люблю, когда люди говорят то, что думают, – кивнул тот. Одет он был в горчичного цвета шелковый халат, поэтому до середины бедра хорошо было видно длинные босые ноги. Халат не задрался, а был именно коротковат, и я подумала, что его обладатель довольно высок.

Встретившись со взглядом зеленых глаз, в которых отражалось пламя свечи, я поежилась. Мне стало неуютно от того, что меня так же бесцеремонно рассматривали, как я ми-

нуту назад рассматривала своего собеседника.

– Госпожа Адель – это та женщина, которая меня сюда проводила? – я постаралась сосредоточиться на своем вопросе. – Она посоветовала мне именно у вас узнать, почему на место обычной служанки вам нужна девушка как можно моложе.

– О боги, госпожа Адель хоть и непревзойденно хороша в роли экономки, она старая ворчливая ханжа, и с этим ничего не поделать. Поймите... Как я, кстати, могу к вам обращаться?

– Меня зовут Ева Лонграсс.

– Ева? Как и первую женщину на земле? Весьма символично, учитывая, учитывая тот факт, что местные жители считают мой дом обиталищем порока.

– Небезосновательно.

– Вы суеверны? – усмехнулся мой собеседник, в его пальцах появилась трубка кальяна. – Но оставим это на потом, а пока позвольте представится: Максимилиан. Как я уже говорил, госпожа Адель старая кошелка, и хотя я ее бесконечно ценю и уважаю, мне с ней нестерпимо скучно. Она только и может, что рассказывать о своих сопливых племянниках и о геранях, да отчитывать меня за леность. Посетители развлекают меня время от времени, но чаще это довольно посредственные люди. С ними я могу обсуждать их мелкие грешки, тоже весьма банальные.

– Так вы, если примите меня на работу, собираетесь пла-

тить за то, чтобы я развлекала вас разговорами? – порази-
лась я.

– При взаимном желании, но скорее все же за то, чтобы вы своим юным свежим видом развеяли в этом доме затхлость и застой. Ну и конечно же за соблюдение здесь чистоты и порядка. В ваши обязанности помимо этого будет входить сопровождение моих гостей до гостинной с последующей подачей чая, походы на рынок вместе с экономкой, помощь на кухне. Насчет жалования вы можете поговорить с Адель, она вам все разъяснит. Жить вы должны тут. Раз в месяц вам положены несколько выходных для поездки к родственникам.

– То есть вот так сразу? Вы меня совсем не знаете, даже рекомендательного письма не потребовали!

Я вспомнила своего предыдущего работодателя, который расспрашивал меня по меньшей мере час, прежде чем утвердить на должность служанки в своем доме. Краткий распрос об умениях превратился в экскурс в мою родословную вплоть до того, были в моей семье предки с другого континента, алкоголики и воры.

– Я не плохо разбираюсь в людях, – пожал плечами Максимилиан.

Я снова поймала себя на том, что разглядываю его. На сей раз объектом моего внимания стали почему-то его ступни. То обстоятельство, что в моем присутствии находится малознакомый мне босой мужчина в одном халате, не давало

мне почувствовать себя уверенно. Когда мой взгляд неосознанно скользнул выше, по его талии и груди и остановился на шее, где беззащитно билась жилка, на лице Максимилиана расплылась торжествующая улыбка. У меня тотчас родилась твердая уверенность, что под халатом у него ничего нет.

– Так вы остаетесь? – продолжая улыбаться, спросил он.

– Если меня устроит жалование, – я поднялась и поправила смятое платье, надеясь скрыть растерянность, – Я поговорю с госпожой Адель, и если решу остаться, то приступлю к своим обязанностям сегодня же.

– Это уже лишнее, выглядите вы устало, будто ночь не спали, а потом прошли через весь город пешком. У вас будет своя комната, где вы сможете отдохнуть. Я долго мирился с присутствием пыли в своем доме, поэтому смогу потерпеть еще один день.

Кивнув, я поторопилась к выходу. Уже закрывая дверь, я задержалась, разглядывая его профиль в клубах дыма.

«Даже если жалование будет не такое уж и большое, я все равно останусь. Я просто обязана потрогать его волосы», – решила я.

Открыв глаза, я увидела в окне рядом с кроватью предутреннюю синеву. Часы показывали 4:30.

Я смутно помнила, как добралась вчера до своей новой спальни, потому что после разговора с экономкой напряжение, в котором я пребывала весь день, спало, и я с особой

остротой ощутила все пройденные за день километры. Также мне удалось вспомнить, что размер жалования меня приятно обнадежил. Нужно будет отправить маме и брату письмо, что я благополучно устроилась. И попросить прислать вещи.

С собой у меня ничего не было, только одежда, что была на мне, да гигиенические принадлежности вроде зубной щетки. Госпожа Адель одолжила мне свою ночную рубашку, которая мне едва прикрывала колени, а ей вероятно доставала до щиколоток.

То ли я легла слишком рано, поддавшись усталости, то ли на новом месте спалось плохо, но заснуть вновь мне не удалось. Откинув свои длинные темные волосы, гладкие и тяжелые, становившиеся орудием пытки в летние ночи, я поднялась и подошла к окну.

Оно выходило на широкую улицу, вымощенную серым камнем, все еще освещенную фонарями. Их погасят где-то через час, а пока можно было полюбоваться на просыпающийся город, молчаливый, но дышащий спешащими по своим делам молочниками и пекарями. Скоро по камню застучат колеса тележек с провизией и исчезнет эта позванивающая свежая тишина.

До рассвета час, а спать совершенно не хочется. Мое платье в сушилке и вряд ли высохло за ночь. Я могла бы высушить его утюгом, но не хотелось бы перебудить весь дом в его поисках. Может, сделать себе чаю и подождать пока экономка проснется?

Расположение кухни я помнила, поэтому без труда добралась до нее и поставила на огонь чайник. В шкафчике хранилось несколько сортов чая и кофе, что для меня, выросшей в деревне, было неслыханной роскошью. Осмотрев содержимое железных банок, я остановилась на самом крупном сорте чая. Спустя несколько минут я шла по коридору, осторожно неся перед собой расписанную фарфоровую чашку.

«Разбить такую чашку было бы преступлением», – мелькнула мысль.

Путь обратно лежал по тому же коридору, что вел до гостиной. Проходя мимо полуоткрытой двери в нее, я заметила внутри свет и не могла не заглянуть. На столе стоял тот же подсвечник с догорающей свечой, а рядом с ним на толстом узорчатом ковре безмятежно спал мой новый хозяин. Подтянув колени к груди и обняв подушку, во сне он был, как и большинство мужчин, похож на ребенка. На расстоянии вытянутой руки лежала раскрытая книга.

«Ему не холодно? А если и холодно, то что мне делать? Разбудить? Накрыть одеялом? Слишком фамильярно. Я тут и дня не проработала, а уже лезу. Может он всегда так спит», – подумала я.

Длинные серебристые пряди разметались вокруг головы Максимилиана, окружив ее точно лунным сиянием. В неверном утреннем полусвете они казались мехом экзотического животного, и мне почудилось, что коснувшись их, я коснусь блестящего лисьего меха. В отличии от волос, брови и ресни-

цы Максимилиана были такими же темными, как мои. В груди что-то предательски шевельнулось. Примерно то же ощущают дети, увидев в руках другого ребенка дорогую и красивую игрушку, которую им никогда не купят.

Нет, нет, взять себя в руки! Это просто красивый мужчина, да, признаю, чертовски красивый, но любоваться можно и на расстоянии! Такие выбирают в спутницы женщин под стать себе, таких же красивых и самовлюбленных, так что и заглядываться нечего. Но какие у него волосы!

Спустя буквально четверть часа я буду думать, что это было наваждением и проклинать себя за глупость, помимо прочего сгорая от стыда и чувствуя себя неловкой деревенской дурой. Но в тот момент я просто опустилась рядом на ковер и, ни секунды не колеблясь, протянула руку. Однако коснуться серебристой пряди не успела, встретившись со взглядом зеленых глаз. В тени волос они казались изумрудными, словно подсвеченными изнутри.

– О, – только и смогла вымолвить я. – Я могу все объяснить!

Максимилиан бесшумно сел и вынул из моей одеревеневшей (как впрочем и мой мозг) руки чашку. Попробовав, он одобрительно кивнул.

– Неплохо, но в следующий раз добавляйте побольше молока. И сахара. Люблю сладкое.

Несмотря на то, что лицо у него было еще расслабленным после сна, оно уже начинало приобретать насмешли-

вое выражение, как если бы он застал меня за кражей конфет с праздничного стола. Не знаю, чем бы закончилась эта неловкая ситуация и сколько еще мне бы пришлось краснеть, если бы в дверь не позвонили. Максимилиан вопросительно поднял брови:

– В такую рань? Стало быть, у нашего гостя действительно важное дело. Будьте добры, оденьтесь более подобающе и подайте чай на две персоны.

Чай был подан с задержкой: все валилось из рук. Когда я наконец вошла в гостиную, Максимилиан беседовал с усатым незнакомцем средних лет, беспокойно ерзающим в кресле. Тот то и дело трогал узел галстука, то расслабляя его, то вновь затягивая.

– Я надеюсь наш договор останется в тайне. Вы же понимаете, как я рискую собственной репутацией, появляясь здесь, – проговорил посетитель, несколько раздраженно принимая из моих рук чашку с чаем.

– Это моя служанка, она слабоумная, что то вроде блаженной, можете не беспокоиться, – протянул Максимилиан. – К тому же репутацией вы рисковали ежедневно, встречаясь с Сесиль, вам так не кажется?

Судя по всему посетитель успел утомить его своим ерзаньем. Покачивая босой ногой, он разглядывал блестящую позолоту чайного блюдца.

– Я полагаю, мои личные взаимоотношения вас касать-

ся не должны, – вспыхнул усатый господин. – Отправляясь к вам, я прежде всего надеялся найти здесь поддержку. Возможно, я ошибся, но... Прощу Вас, помогите мне! Я совсем отчаялся, я не сплю, ни ем, даже на лошадь не сажусь, чего со мной отродясь не случалось. Поймите, я люблю их обеих, это выше моих сил – выбрать одну!

Он со стуком поставил чашку на стол, и я с готовностью налила новую порцию чая.

Максимилиан задумчиво обводил пальцем золотой ободок своей чашки. В его движениях было нечто завораживающее и одновременно успокаивающее, даже посетитель приостановил ерзание и замер в ожидании. Поразмыслив еще какое-то время, Максимилиан поднялся, сразу оказавшись выше меня на голову, и вынул из кармана пузырек с синеватой жидкостью.

Посетитель вытирал глаза:

– Что это такое? Вы мне что, предлагаете отравить свою жену?

– Жену? То есть выбор вы все-таки сделали? – спросил Максимилиан, но не дождавшись ответа, добавил: – Разумеется никто не толкает Вас на убийство. Но напоминаю, что если вы не определитесь в своих чувствах сегодня вечером, выбор я оставляю за собой. А это тройная плата.

– Ооо, боги проклинали меня!

Посетитель закрыл лицо руками и сидел, качаясь то вперед, то назад. Я уже решила, что он непременно подскочит

и уйдет, негодуя, однако он отнял руки от раскрасневшегося лица и выхватил из раскрытой ладони Максимилиана злощастный пузырек.

– Я думал вы волшебник или даже демон, а вы, оказывается обыкновенный торгаш и отравитель, – бросил он, нахлобучил шляпу и с крайне оскорбленным видом покинул комнату.

– Так Вы яды продаете? – спросила я.

Отчего-то от этой мысли мне стало легче. Если хозяин самый что ни на есть обычный торговец всяческими заморскими снадобьями, то никакой таинственности и загадки в его образе быть не могло. Но он мои ожидания развеял.

– Конечно же нет, – снисходительно произнес Максимилиан. – Я продаю все, что угодно: готовые решения проблем, сны, грезы наяву, исполненные мечты. И если они будут облачены в склянку с ядом, нечего удивляться. Ко мне часто приходят тогда, когда обратиться уже не к кому, потому и плата кажется невысокой.

– Я не заметила, чтобы он Вам платил.

– И тем не менее, плату я получил, как только он коснулся моей руки. Я не беру монеты, люди сами приносят мне годы своей жизни, которые я затем тщательно преобразовываю в чистую энергию и продлеваю жизнь себе при необходимости. От них требуется лишь добровольное согласие.

Пока была жива бабушка, я постоянно слышала от нее, что наш мир не единственный и вокруг сотни других, насе-

ленных удивительными существами. Я всегда верила в фей и ведьм, знала, что демоны могут похищать души людей и по собственной глупости или жадности можно легко лишиться красоты и молодости. Но вот так, в реальной жизни, я встречалась с волшебством впервые.

Поэтому я села в кресло и внимательно всмотрелась в лицо хозяина. Стоило изначально прислушаться к слухам, которые окружали этот дом.

– Так вы волшебник? Или демон? Или дух? Вы не обязаны отвечать, просто я хотела бы знать, с чем мне предстоит иметь дело, работая у вас.

– Я сам не помню, кто я. Но я не так стар, как ты сейчас думаешь. Для мира духов я еще совсем дитя, мне не больше 120 лет. Ну, или может чуть больше, но не на много. В одном можешь быть точно уверена: зла здесь никто тебе не желает.

Трудно сказать, что это объяснение удовлетворило мое любопытство, скорее наоборот. Видимо сомнения отразились на моем лице, потому что Максимилиан поспешил вернуться к бытовым вопросам.

– Что ж, займемся вашими непосредственными обязанностями, – сказал он. – Я хочу, чтобы к вечеру весь дом был чист до блеска. Можете выбросить все, что посчитаете ненужным, старым или неуместным, за исключением нашей любезной экономки, разумеется. И да, прошу Вас также отправить в последний путь это Ваше платье, оно отвратительно. Вы в нем смахиваете на учительницу из семинарии.

– Глубоко ценю Вашу заботу, но ничего другого у меня с собой нет, – сказала я не без обиды.

– О боги, ну возьмите у Адель деньги, скажите, в качестве аванса. Я не желаю видеть в своем доме еще одну старую деву... О, ты так забавно дуешься, – вдруг заметил Максимилиан.

Слегка сбитая с толку этим перескоком с вполне приличного «вы» на весьма небезопасное «ты», я нахмурилась. Эта непривычная манера вроде бы не раздражала, но ставила в то неловкое положение, когда не знаешь, как себя следует вести.

– Будут ли еще указания, господин, или я могу быть свободна? – произнесла я официальным тоном, не терпящим фамильярностей.

Расстояние в половину комнаты он пересек за пару шагов и оказался так близко, что можно было разглядеть крошечную родинку в уголке глаза, которая до этого оставалась незамеченной. Еще одна, такая же маленькая, располагалась над верхней губой. От неожиданности я выпрямилась, будто вышеупомянутая учительница из семинарии ударила меня по спине указкой.

– Вы можете их потрогать, – совершенно обыденно, даже как-то устало сообщил Максимилиан.

– Кого потрогать? – опешила я.

Он пожал плечами. Я начинала догадываться, что это его привычный жест.

– Мои волосы. Вы же это хотели сделать сегодня утром? Не вините себя в глупости, все хотят их потрогать, ничего необычного в этом нет.

– А Вы, я погляжу, далеко не скромник, и себя любите даже больше положенного.

– Вполне естественно любить себя. Ведь моя внешность, это результат моих усилий. Я осознанно выбрал себя таким, чтобы мне легко было добиваться всего, чего я хочу в этой жизни.

– Вы хотите сказать, что выбрали себе внешность еще до того, как родиться?

– Мы все ее выбираем, просто кто-то помнит об этом, а кто-то нет. Так вы воспользуетесь моим предложением? Я не буду забирать время вашей жизни за исполнение желания, не бойтесь.

Длинные пепельные пряди лежали поверх шелка. В свете дня они не так явно отливали серебром, однако от этого касаться их хотелось не меньше. Поколебавшись и недолго поразмыслив о нормах приличия, я дотронулось до одной из них и задержала в ладони.

– О! – снова вырвалось у меня.

– О? И это все? – поднял бровь Максимилиан.

– Они теплые и мягкие, не совсем похоже на волосы, скорее на мех.

С сожалением вернув прядь на плечо, я коснулась его груди и руку тотчас обожгло жидким огнем. Ощущения было

похоже не те, когда я облила ладонь кипятком. Прижав ее к животу, я вскинула голову.

Из глаз Максимилиана исчезла беспечность. Он весь как-то стал выше и шире в плечах, улыбка из ленивой превратилась в хищную. Я попятилась и отступала до тех пор, пока не стукнулась затылком об стену, а по обе стороны от моей головы не уперлись его ладони.

– А ты не такая простая, какой прикидываешься, раз разглядела моя суть, – проговорил Максимилиан.

Я вытянулась в струну, стараясь тоже стать как можно выше и не казаться запуганным кроликом, хотя со стороны я тем не менее представляла жалкое зрелище.

– Я именно такая, какой кажусь. Вы правы, сейчас я вижу Вашу суть: суть тирана, который запугивает малознакомых ему людей. Будьте добры выпустить меня.

Еще долгую минуту он смотрел мне в глаза, ожидая, что я их опущу, а потом отступил назад. Его лицо приняло прежнее выражение. Казалось, словно он только что проснулся и еще не определился, что ему хочется сделать в первую очередь.

– Прощу прощения, что напугал, – извинился он самым любезным тоном. – Я вовсе не хотел Вас обидеть или оскорбить Вашу честь.

Кивнув в знак примирения, я быстрым шагом вышла, хотя это больше походило на бегство, чем на уход с достоинством.

До самого заката я мыла, вытряхивала, выбивала, вычищала, натирала как бедная падчерица из сказки про злую ведьму-мачеху. В подобном роде я привыкла работать с детства, ведь в деревне, если ты не успел засеять поле или собрать урожай до сезона дождей, всю зиму придется сидеть впроголодь. К тому после смерти моего предыдущего хозяина мне наскучило сидеть сложа руки, и я испытывала какое-то нездоровое удовольствие, натирая на них теперь мозоли.

В доме я насчитала семь комнат, не считая кухни, ванных, по одной на каждый этаж, и кладовок. Я поселилась на мансарде. Своим новым обиталищем я осталась более чем довольна, ведь в доме родителей, в семье из девяти детей, у меня никогда не было собственной комнаты. У предыдущих же хозяев мне выделялись комнаты, соперничающие по размерам с ящиком для садовых инструментов.

Вымытый дом сразу посвежел и преобразился, стал светлее и будто просторнее. Натертая мастикой мебель источала теплый аромат домашнего уюта. Довольная проделанной работой, я поужинала на кухне и поднялась в спальню.

Экономка ушла домой. Она жила неподалеку и не оставалась на ночлег, а хозяйина я не видела после утреннего разговора в гостиной. Предоставленная сама себе, я могла провести этот вечер как мне заблагорассудится. Зная, что меня никто не потревожит, я лежала в ванне, наслаждаясь впервые за долгое время ощущением покоя и чистоты. Но выле-

зять все равно пришлось, глаза начали закрываться от усталости, да и вода остыла.

Я нашла расческу и подошла к окну. Нужно было расчесать волосы, пока они влажные, иначе утром их будет проще отрезать, чем распутать. За этим неблагодарным занятием я и увидела на крыше соседнего дома странное шевеление.

Прямо на черепице белело нечто неясных очертаний, как раз в том месте, где выходила каминная труба.

– Что за ерунда, – удивилась я вслух.

Пятно зашевелилось, и стало понятно, что это животное с восхитительно длинным пушистым хвостом и на тонких лапах. Существо потопталась на краю крыши и развернулось так, что я смогла увидеть не один хвост, а целое множество. Мне вспомнились слова бабушки, которая рассказывала, что давным давно по нашей земле бродили духи, пришедшие из других миров. В числе прочих был и рассказ про девятихвостого лиса-оборотня, которому под силу было принимать человеческий облик, большого озорника и мастера проделок. Бабушка также говорила, что они сильны настолько, что могут становиться второй луной на небе, сбивая путников, и высекать огонь одним прикосновением.

Не успела я додумать эту мысль до конца, как на крыше засветилось.

– Пожар! – заорала я, мечась по комнате в поисках домашних туфель. – Люди, пожар, скорее!

Кубарем скатившись по лестнице, я выбежала на улицу.

Вокруг поднялась суматоха, со всех сторон кто-то бежал, кто-то нес ведра, кто-то торопился за пожарными, но к тому времени, как помощь подоспела, горел уже весь дом. За считанные минуты огонь поглотил все, вплоть до крыльца. Из окон вырывалось пламя, как при сильном ветре, и это было совершенно неестественно.

В полной беспомощности я обхватила руками голову. Крыша затрещала и обвалилась, подняв в небо сноп искр. В этой огненной вакханалии, посреди языков пламени, на раскаленной докрасна каминной трубе сидел белый лис, окруженный веером из хвостов.

– Что ж, домой Вас, похоже, сегодня не ждать, – сказала я негромко.

Глава 2

маленькая глава, в которой я знакоблюсь с гадюкой

Если вы так и не смогли себе представить, как я выгляжу, я исправлю это недоразумение.

Чтобы вы знали, я достаточно высока для девушки наших земель, довольно фигуристая, как сказала бы госпожа Адель, но несколько худоватая. С открытым лицом человека, выросшего среди полей и диких родников, с крупными веснушками на носу, но очень белой кожей, и большими карими глазами.

Лет в 14 один из немногочисленных поклонников как-то отметил, что я похожа на лесную лань, но вскоре исчез, а вместе с ним и мое ланье очарование. При желании я могла бы быть очень хорошенькой, но после долгих лет службы няней и посудомойкой в чужих домах я разучилась это делать.

В наших краях, если тебя не взяли замуж до 16 лет, то вряд ли возьмут когда-либо потом, какой бы красавицей ты не была. Когда мои ровесницы обзаводились мужьями и детьми, я мыла сервизы после приемов и оттирала полы после бальных вечеров. С какой-то стороны я даже была рада, что все сложилось именно так, ведь отсутствие мужа и от-

прысков гарантировало мне особого рода свободу и покой, но не отменяло пересудов и укоризненных взоров соседок.

Впервые за все время я чувствовала эту свободу, высыпаясь в широкой постели и выполняя работу без единого замечания со стороны хозяев. Да и откуда им было взяться, если хозяин явился спустя два дня после пожара, когда дом напротив сгорел дотла.

– Он так частенько пропадает, – хмыкнула экономка. – И дрыхнет потом сутками, не добудиться до него.

Разбудить Максимилиана было нужно, ибо меня начали осаждать возмущенные клиенты, особенно записанные на прием за несколько дней. В кармане моего передника набралось стопка записок, с которыми я явилась в хозяйскую спальню на следующий день.

Первым делом я решительно раздвинула шторы на окнах, после чего шумно отодвинула стул рядом с кроватью, пошуршав бумагами в переднике. Решительность моя поубавилась, стоило мне заметить ямочки на пояснице Максимилиана. Он лежал на животе, обхватив руками подушку, и сползшее покрывало давало возможность любоваться его спиной и этими самыми ямочками.

Прокашлявшись, я громко произнесла:

– Доброе утро, господин! Всех ваших непринятых посетителей госпожа Адель перенесла на сегодня, на вторую половину дня.

Из под рассыпавшихся прядей выглянул лукавый зеленый

глаз.

– Я не сплю с того самого момента, как вы появились в этой комнате. А госпоже Адель можете передать, чтоб она катилась к чертям, – хрипловатым после сна голосом сообщил Максимилиан и начал приподниматься на локтях, отчего покрывало сползло на полпальца ниже.

– Вы что, голый?! – воскликнула я, сравнив себя в этот момент со своей тетушкой-девственницей, которая мужчину с расстегнутыми манжетами уже считала неприлично оголенным.

Максимилиан замер.

– А как я, по вашему, должен ложиться в постель? Одетым в костюм-тройку?

– Ну как минимум в нижнем белье!

– Не считаю нужным, оно стесняет движения. Будьте добры, закройте глаза, я все равно встану.

Я послушно зажмурилась, слушая, как шуршат простыни. Когда Максимилиан проходил мимо, я чувствовала тянувшийся за ним шлейф из аромата можжевельника и хвои.

– Верно, все эти дни я провел в лесах, – ответил он на мои невысказанные предположения. – Охотился на кроликов. Вы ведь видели меня на крыше в тот день?

– А, то есть это все-таки были Вы! – я открыла глаза и увидела одетого Максимилиана. На нем был черный халат, значительно длиннее предыдущего горчичного.

– Глупо было бы отрицать, Вы застали меня на месте пре-

ступления. Обычно люди меня не замечают, но Вы почему-то увидели меня без особых усилий.

– Зачем Вы сожгли дом? Говорят, погибла хозяйка. И даже ее пудель.

Нос Максимилиана наморщился, точно в комнате запахло тухлятиной.

– Фу, отвратительные бесполезные твари, не переносу собак, – проговорил он. – Да и кошек, в общем-то, не меньше, слишком гордые, помощи от них никогда не дождешься. Вы не догадались еще, чей это был дом? Любовницы нашего уса- того знакомого. Он долго думал, от кого ему следует избавиться: от жены или от любовницы, но так и не сумел отдать предпочтение ни одной из них. Я помог ему, но не принимал за него решения, у меня нет такой власти. Когда-то давно, когда эта история только начиналась, нашего героя мучили угрызения совести и он невольно представлял в своих фантазиях, что его любовница вдруг исчезает. Ее затаптывает лошадь, она выпаливается из окна, тонет. Гибнет в пожаре. И все сразу встает на свои места, все делается хорошо и так, как должно быть. Именно в тот миг он сделал свой выбор.

– Но как вы узнали об этом?

– Я вижу сокровенные желания людей. Порой самые мерзкие или постыдные. Вот вы, милая Ева, вполне приличная благоразумная особа, ни разу не уличенная в эгоистич- ных плотских желаниях, все то время, пока я исповедовал- ся в своей грешной натуре, хотели меня потрогать, и вовсе

не за волосы. И сейчас, кстати, хотите.

– Что за вздор! Не выдавайте свои фантазии за реальность!

Я поспешила к выходу.

– Скорее наоборот: ваши фантазии становятся реальностью, – усмехнулся Максимилиан. – И где мой чай?

Вместе со знакомым фермером мне удалось отправить маме и брату письмо, в котором я сообщила, что устроилась в городе благополучно. В качестве подтверждения я вложила в конверт большую часть от полученного ранее аванса. Тратить деньги мне было совершенно некуда, ведь проживала и питалась я в хозяйском доме бесплатно, а кроме меня семье помощи ждать не откуда.

Все мои семь братьев и сестер, а следом за ними и отец, умерли много лет назад от страшной эпидемии. Не знаю, по какой причине она не тронула нас с братом и матерью, но иногда я замечала в словах мамы мысль, что лучше было бы, если бы я умерла вместо отца. Я никогда не числилась в ее любимицах, после череды смертей это отношение стало еще заметнее. Вся любовь этой измученной родами женщины сосредоточилась на брате, который остался единственным мужчиной в семье. Поэтому я предпочла жизнь в чужих домах.

На обратном пути мне пришлось пройти через рынок, чтобы купить свежего мяса и овощей на ужин. Мясо обяза-

тельно должно быть первой свежести – другое в нашем доме не готовится. Приходящая каждое утро повариха готовила пищу для прислуги отдельно от хозяйской. Все потому, что хозяйская пища не варилась, не парилась, а только обжаривалась так, что оставалась внутри сырой. Такой, какую нормальный человек есть не станет.

С полной корзинкой провизии я двинулась в сторону дома. Спустя некоторое время со мной поравнялась, а затем опередила стройная дама в пурпурном платье, вышитом золотым замысловатым узором. Перья на ее широкополой шляпе покачивались в такт шагам.

«Какая красавица! – подумала я, – В таком роскошном платье, наверное, аристократка, и как только она забрела в наш квартал?»

Каково было мое удивление, когда дама остановилась у массивной дубовой двери с почерневшими ручками и задергала колокольчик. Еще более странным оказалось то, что ей никто не открыл. Это была дверь в дом хозяина, и я точно знала, что и он сам, и экономка были внутри.

Постучав в нетерпении каблуком в выщербленный порог, дама завернула за угол. Я настигла ее у двери черного входа, той самой, которая затерялась среди мусорных баков.

– Вы записаны на прием? – обратилась я к незнакомке. – Вероятно, экономка спустилась в погреб и не слышала звонка.

Расплывшись в приветственной улыбке, дама преврати-

лась в само очарование, хотя несколько минут назад на улице она наградила меня презрительным взглядом.

– Да, разумеется, я буду очень благодарна, если вы впустите меня, – воскликнула она, протискиваясь внутрь.

Не успела я задвинуть засов, как гостья пустынным вихрем взлетела по ступенькам и безошибочно нашла среди прочих комнат гостиную. Увидев посетительницу, Максимилиан, потягивающий кальян среди вороха маленьких подушек, замер. На его лице отразилась целая гамма эмоций, начиная удивлением и заканчивая досадой. На меня же он посмотрел с откровенной недоброжелательностью и протянул;

– Госпожа Лэйнэ, какой сюрприз!

Дама плюхнулась на диванчик, отчего ее юбки взметнулись и опали, как лепестки тюльпана. Шляпу она набросила на спинку кресла.

– Я решила Вас сама навестить, дорогой Макс, – промурлыкала она, улыбаясь, но ее голубые глаза оставались холодными. – Если бы не эта милая девочка, я бы так и осталась прозябать на крыльце.

И хотя меня пожирало любопытство, мне пришлось удалиться на кухню, чтобы заварить чай. Когда я вернулась, дама с разруганными щеками раздраженно покачивала ногой, а Максимилиан сидел насупившись. Расставляя чашки, я пыталась понять, как ей удалось так быстро привести его в дурное расположение духа.

– Вы не держите своих обещаний, дорогой. Мужчины так

себя не ведут, – произнесла Лэйнэ натянуто.

– Если Вы не забыли, дорогая, – проговорил Максимилиан, – То я не то что не мужчина, я даже не совсем человек. И я не отказываюсь от своих слов, вы знаете, чем я могу заплатить за неосмотрительность. На прием я не могу пойти с Вами потому, что уже приглашен другим человеком.

Лэйнэ вскинула тонкие брови:

– Вот как? И кто же эта счастливица?

– Ее зовут Ева, она совсем недавно здесь, – внезапно сказал Максимилиан.

Мне не удалось скрыть своего удивления – чай расплескался на блюде, попутно обжигая пальцы.

– Ты идешь на прием со служанкой? – усмехнулась Лэйнэ. – Самому не смешно?

– Она не просто служанка, она моя дальняя родственница, быть может даже прапраправнучка, – быстро проговорил Максимилиан и, встав, положил руку на мое плечо. – В молодости я согрешил с ее прапрапрабабулей, первая красавица была на деревне, кровь с молоком. Я не могу отказать своей родственнице, тем более в память о светлой поре моей юности. Кстати прародительница ее та еще чертовка была, такие вещи вытворяла. Помню, шли мы как то через сеновал...

– Не желаю слышать эти гадкие подробности, составь их при себе, пожалуйста! – поморщилась Лэйнэ, – Хочешь идти с прислугой, иди, препятствовать не стану. Но помни, когда-нибудь ты будешь ползать у меня в ногах, как домашняя

собачонка!

Когда она ушла, бросив недопитый чай, я, пытаясь сдерживаться, спросила:

– Вы это специально придумали, чтобы от нее отвязаться? Не знаю, что вы там ей обещали, но мне не нравится, как легко вы меня впутываете в свои интрижки.

– Ты сама ее впустила. Если бы этого не случилось, мне не пришлось бы просить твоей помощи, – ответил Максимилиан.

– Просить? Вы это так называете? Вы меня поставили перед фактом, я даже возразить ничего не успела! Да и что у вас за странные отношения с этой павлинихой?

– Мы познакомились очень давно, когда я был юн, глуп и мне хотелось приключений. Достопочтенная госпожа Лэйнэ – колдовка. Занимается мелкими приворотами, бытовыми дрызгами и прочей ерундой. Наш роман был настолько горяч, насколько и мимолетен. Перед расставанием она взяла с меня обещание, что в любой момент времени, если она захочет провести со мной еще один вечер, и я не буду связан другими обещаниями, я не откажу ей. Для нас, обитателей множества миров, если ты не знала, обещание – не просто слова. За неисполнение клятв мы можем лишиться силы... Как же я ее уже ненавижу! Долгие годы она старается заставить меня врасплох, и до сего момента мне удавалось выкручиваться. Пока ты не впустила эту гадюку в мой дом! Ты обязана теперь помочь мне! Я не могу пропустить прием, ведь

я дал ей ясно понять, что там буду.

Я скрестила на груди руки.

— Я никуда не пойду. Сами выпутывайтесь, раз не хотите держать слово.

— Так не поможешь?

— Нет. К тому же вы оскорбили честь моей прапрапрабабушки.

Максимилиан внезапно рухнул на колени и молитвенно сложил руки. Серебристые пряди взметнулись и рассыпались по плечам, лицо в один миг превратилось в лик непорочной невинности. Если бы я уже не привыкла к его выходкам, я бы точно решила: передо мной незаслуженно обиженное создание. Большой ошибкой было бы верить этим зеленым глазам.

— Ну нет, я на ваши штучки не куплюсь! — вздохнула я. — Но вы же не отстанете, верно?

Глава 3

в которой я активно сбрасываю лишний вес

Мэр проводил приемы, которые были посвящены в основном награждениям и памятным датам, однако в этот раз повод был особый: единственная дочь мэра выходила замуж.

За несколько дней до этого весь сад и террасу украсили бумажными фонариками, а дом наполнили живыми цветами, выпустив в залы птиц с ярким оперением. Однако вместо того, чтобы услаждать слух гостей райским пением, птахи расселись под потолком, издавая напоминая россыпь аляповатых фруктов.

Героиня вечера обещала появиться ближе к завершению торжества. Накануне приема к Максимилиану заглянули посыльные мэра и унесли с собой несколько больших деревянных сундуков. Что было внутри мне вывести не удалось. Максимилиан лишь заметил вскользь, что и сам до конца не знает, что окажется в этом ящике Пандоры. Стоит немного потерпеть, и все станет известно.

И я терпела, прохаживаясь по залам и пробуя незнакомые закуски. Поначалу со мной обращались подчеркнуто вежливо, ведь я была в компании Максимилиана, но затем пронесся слух, что его спутница обыкновенная служанка. На меня

перестали обращать внимание, словно меня и не было вовсе.

– Мне стоило прийти хотя бы ради этого, – сказала я, на-
кладывая в тарелку всего по чуть-чуть. – Вот этих морских
слизней я, к примеру, никогда не ела.

– Это устрицы. Их принято поливать лимонным соком,
иначе во рту они становятся похожи на холодный комок ман-
ной каши, – объяснил Максимилиан.

На вечер он соизволил облачиться в черный костюм, кото-
рый как нельзя лучше подчеркивал его молочно-белую ко-
жу и светлые волосы. Похоже, он привык ловить на себе вос-
хищенные взгляды, и попросту не замечал вздохи и пере-
шептывания за спиной. Меня же раздражало глупое хихика-
нье девиц на выданье, которых здесь было больше всего. Как
и для большинства сдержанных свиду людей, раздражитель-
ность была моим бичем, отравляя многие приятные момен-
ты.

– Скажите честно, Вас не выводит из себя это хихиканье?
Неужели я тоже была такой в 15 лет, – нахмурилась я.

– Сомневаюсь, что кто-либо захотел бы держать в сво-
ем доме вечно хихикающую горничную или няньку, – пред-
положил Максимилиан. – К тому же люди редко вызывают
во мне иные чувства, кроме жалости. Вы такие беспомощ-
ные, просто удивительно, как еще не вымерли. Единствен-
ное, к кому я не безразличен, это собаки, их я не люблю. Как
можно так низко пасть, чтобы вилять хвостом перед двуно-
гими? Я уж не говорю про выполнение команд за еду.

– У меня порой возникает чувство, что Вы изначально родились животным, особенно когда Вы так рассуждаете.

– Кто знает, может быть так все и было. О, поглядите-ка, наша старая знакомая!

По натертому паркету плыла Лэйнэ. Атласное небесно-голубое платье сидело на ней как вторая кожа, очерчивая каждый изгиб и приковывая взгляды стоящих вокруг мужчин.

– Добрый вечер, госпожа Лэйнэ, – Максимилиан поцеловал протянутую руку в атласной перчатке. – Вы не изменяете себе – только Вы умеете носить закрытое платье так, словно его нет вовсе.

Лэйнэ вежливо скривила губы в улыбке. Смотрела она только на Максимилиана, меня для нее не существовало.

– Большого от Вас я и не ожидала, поэтому сочту за комплемент, – произнесла она. – А я смотрю, Вы все же взяли своего домашнего питомца? Какая на ней милая одежонка, я помнится нечто подобное надевала, когда помогала маме копать в саду.

– Вы это про меня сейчас говорите? – натянуто произнесла я, чувствуя на запястье предостерегающее пожатие Максимилиана.

Лэйнэ томно вздохнула и повела бокалом:

– Разумеется про тебя, девочка. Думаешь, ты первая, кто надеется прыгнуть в хозяйскую постель? Это шанс для таких как ты выбиться в люди, но увы, ты ошиблась в выборе. На тебя даже кучер в этом доме не станет заглядываться,

не то что Макс.

– Лэйнэ, ты пьяна, тебе лучше поехать домой, – произнес Максимилиан ледяным тоном.

– Конечно, милый, только дождусь финала твоего представления. Ведь что-то сегодня случится, правильно? Если передумаешь, то можешь поехать со мной, буду ждать. Я еще не забыла, какой чай ты любишь по утрам.

С блестящими глазами, задернутыми поволокой, Лэйнэ похлопала его по щеке и прошествовала дальше. На прощанье она даже кивнула мне.

– Стерва, – подытожила я. – Судя по тому, как бесстыдно она себя предлагает, ее чувства к Вам не остыли.

– Единственное, что она испытывает – это чувство уязвленной гордости. И, возможно, злость от невозможности обладания красивой игрушкой.

Не хотелось признавать, что слова особы, которую я вижу во второй раз в жизни, задела меня. То, что я из низшего сословия, я знала и без напоминаний, и частенько слышала в свой адрес нечто подобное. Ядовитее оказались брошенные слова о том, что такие мужчины как Максимилиан никогда не обратят внимание на прислугу. И это было правдой.

– Зря я согласилась прийти в это паучье гнездо. Я здесь посмешище, не более, – вырвалось у меня.

– А я считал, что Вы выше стереотипов и Вам плевать, что думают другие, – произнес Максимилиан задумчиво.

– Вы правы, мне плевать. Но мне неприятно осознавать,

что какая-то распущенная особа распускает слухи о том, что я хочу прыгнуть в хозяйскую постель.

– Не думаю, что это серьезно повредит Вашей репутации. Многие мечтают оказаться на Вашем месте и, один раз запрыгнув в эту пресловутую постель, не вылезать из нее до самого венца.

Вероятно, он заметил перемену во мне, потому как предусмотрительно отступил на шаг.

– Не стану отрицать, что вы не можете не нравиться. Вы физически привлекательны, остроумны, обладаете многими любопытными способностями и в своем роде уникальны. Но в одном Лэйнэ права: Вы никогда не посмотрите на меня как на женщину, потому что я никогда не посмотрю на Вас как на мужчину. Сложно полюбить того, кто любит себя больше, чем что-либо в этом мире, – высказавшись, я наполнила бокал содовой и залпом его осушила.

– Смею заметить, что Вы забываетесь. Обстоятельства сложились так, что я вынужден был просить Вас об услуге. Что ни в коей мере не причисляет Вас к разряду моих друзей или хороших товарищей, поэтому Ваше мнение неуместно. Не стоит также питать глупых надежд на мой счет, Вы прислуга и должны знать свое место.

Эти слова были вполне ожидаемым завершением сегодняшнего вечера. Сначала надо мной потешались напыщенные господа в идеально скроенных костюмах и дамы в нарядах, которые не надеваются по второму разу, затем меня

окатила волна презрения от Лэйнэ, и вот теперь даже человек, или почти человек, у кого я прожила достаточное для доверия время, оказался таким же, как и все.

«Не реветь, не реветь, – зажмурившись, твердила я про себя, – Только не здесь, не на виду у всех этих индюков»

Открыв глаза, я гораздо спокойнее произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.